

ГЛАВА 14. ПОЛЕТ НА МЕЧЕ

Младший шишу его не узнал?

Цзян Мянэ словно ледяной водой окатили. Растерянность на мгновение лишила его дара речи, но он быстро взял себя в руки.

Глядя на Цинь Уцзю, облаченного в те же одежды ученика Ордена Небесного Пути, что и он сам, юноша вспомнил обрывки разговоров: говорили, будто шишу когда-то принадлежал к этому ордену. Значит ли это, что он попал в иллюзию? Или же свершился возврат во времени, перенесший его в те дни, когда трагедия еще не постучалась в двери?

Но разве под силу человеку повернуть время вспять?

Цзян Мянэ не решался на поспешные выводы. В мире самосовершенствования он был новичком, чей опыт ограничивался крохами знаний из книг, а потому без веских доказательств судить не брался.

Заставив себя успокоиться, он лихорадочно соображал. Раз уж он оказался здесь, в самом эпицентре событий, значит, Шэнь Линьфэн каким-то образом затянул его за собой. К счастью, у него была роль в этом видении, иначе положение стало бы совсем отчаянным.

Где-то в глубине души Цзян Мянэ чувствовал: всё пошло наперекосяк еще в тот момент, когда Шесть чудовищ горы Юньдан явились за местию.

Для начала — история Цинь Уцзю в ордене. Учитель ясно говорил ему, что младший шишу с малых лет воспитывался в Павильоне Чистого Ветра и Ясной Луны. Пусть виделись они нечасто, но братские узы их были крепки.

«Неужели шишу скрыл это от Шицзуня и тайно вступил в Орден Небесного Пути?» — гадал Цзян Мянэ.

Но если бы тот и впрямь совершил столь чудовищное злодеяние, как истребление целого ордена, Ли Цин, будучи частью того же мира заклинателей, не мог не знать об этом. И всё же он ни словом об этом не обмолвился.

Ли Цин отзывался о Цинь Уцзю как о человеке «со странным нравом, но легком в общении». Никаких обвинений, никакой враждебности.

Шицзунь — человек безупречной морали, с душой, подобной милосердному божеству, — никогда бы не потерпел в своих рядах мясника. Он бы собственноручно очистил орден от скверны. Однако Цинь Уцзю был жив-здоров, и Ли Цин, вместо того чтобы преследовать его, доверил Цзян Мянэ заботу о нем.

Учитель также упоминал, что Цинь Уцзю много лет страдал от ран и жил среди простых смертных. Если бы Орден Небесного Пути и «чудовища» действительно жаждали крови, им не составило бы труда найти его ни в Павильоне, ни в Фэнчжоу. Почему же они ждали так долго?

Боялись? Или просто не знали, где он?

Тогда откуда они прознали, что теперь шишу ранен и лишен сил? Кто распустил эти слухи и зачем? Не скрывается ли этот кукловод в тенях прямо сейчас, наблюдая за ними?

Загадки множились, а ответы ускользали. Цзян Мянью невольно вспомнил купленные книги — неужели это и впрямь была лишь праздная выдумка досужих писак?

Обычно сплетни о бессмертных мастерах так или иначе долетают до ушей мирян, но в тех свитках не было ни слова ни об Ордене Небесного Пути, ни о Павильоне Чистого Ветра и Ясной Луны, ни о самом Цинь Уцзю, ни даже о гениальном Шэнь Линьфэне.

И всё же эти люди стояли перед ним. Более того, он едва не погиб от руки Шэнь Линьфэна.

Цзян Мянью чувствовал, как реальность, к которой он привык, и слова окружающих сталкиваются, не желая складываться в единую картину. Словно два разных мира насильно сшили друг с другом, оставив его, чужака, в полном неведении.

Солнце клонилось к закату, рассыпая искры по зеркальной глади озера. Свет, дрожащий на волнах, слепил глаза. Цзян Мянью медленно выдохнул. Возможно, это странное путешествие принесет ему ответы, которых он так жаждал.

Но прежде всего...

Юноша снова посмотрел на Цинь Уцзю. Вокруг остальных учеников стоял невообразимый шум, но возле шишу словно пролегла невидимая граница, которую никто не смел переступить.

Цзян Мянью направился к нему. Когда он проходил мимо круглолицего юноши, тот внезапно схватил его за руку.

— Не ходи туда, — прошептал тот, опасаясь, что Цинь Уцзю его услышит. — У него скверный характер, не ищи себе лишних проблем.

Цзян Мянью оценил добрый порыв сверстника. На сердце потеплело, но одновременно кольнула обида за шишу: тот ведь на самом деле был вполне милым человеком.

Поблагодарив юношу за предупреждение, Цзян Мянью всё же продолжил свой путь.

Цинь Уцзю сидел под деревом, закрыв глаза и погрузившись в медитацию. Летний ветерок шелестел листвой, и редкие лучи солнца, пробиваясь сквозь крону, плясали на его лице, заставляя его недовольно хмуриться.

Остановившись прямо перед ним, Цзян Мяннь заслонил собой слепящий свет.

Цинь Уцзю слегка нахмурился и медленно открыл глаза, окинув подошедшего взглядом снизу вверх.

За то время, что они жили вместе, Цзян Мяннь привык к подобным разговорам, но сейчас всё было иначе.

Исчезла та болезненная хрупкость, от которой Цинь Уцзю, казалось, мог рассыпаться при малейшем дуновении. Его лицо пылало здоровьем, а черты в лучах заката казались настолько ослепительными, что на них было больно смотреть.

В тот миг, когда Цинь Уцзю распахнул глаза, его острый взгляд мгновенно пронзил Цзян Мяння, безошибочно отмечая уязвимые места. Обычный человек под таким напором давно бы обратился в бегство.

Но Цзян Мяннь не отступил. Встретив этот ледяной взор, он произнес:

— Старший брат Цинь, путь впереди опасен. Позволишь ли мне стать твоим напарником?

Цинь Уцзю промолчал, лишь пристально изучал юношу.

Цзян Мяннь ждал, замерев от напряжения. Он был готов к едкой насмешке, к резкому отказу, даже к удару — к чему угодно, но Цинь Уцзю просто снова закрыл глаза, словно перед ним никого и не было.

Цзян Мяннь глубоко вздохнул, невольно сжав кулаки.

«Надо же, каким невыносимым шишу был в юности!»

За спиной он чувствовал на себе взгляды десятков учеников Ордена Небесного Пути. Усмирив гнев, юноша напомнил себе, что сейчас не время для обид — ситуация была слишком зыбкой.

Одаренным людям часто прощают высокомерие. Это можно понять.

Повторив эту мысль трижды, Цзян Мяннь успокоился. Глядя на Цинь Уцзю, он даже ощутил странный прилив радости: ему выпал редкий шанс увидеть иную сторону своего нелюдимого

шищу.

Он так и остался стоять над ним. Тишина затягивалась, становясь неловкой. Наконец кто-то из учеников, не выдержав, подошел и отвел Цзян Мяня в сторону.

— Зачем ты к нему лезешь? — зашептали окружившие его юноши.

— Вот именно. Он всегда такой — гордец, каких поискать.

Цзян Мянь потер кончик носа и негромко ответил:

— Мы ведь из одного ордена. Путь впереди неизвестен, лучше держаться вместе.

Один из учеников хлопнул его по плечу:

— Не бери в голову. Мы — ученики Ордена Небесного Пути! Какое бы зло ни встретилось, мы с ним вмиг расправимся. Не о чем беспокоиться.

Его слова вызвали общий одобрительный гул.

Здесь собрались лишь пылкие юноши, для которых этот поход был первым настоящим испытанием. Они грезили о подвигах, о том, как одним ударом повергнут врага и заслужат похвалу учителей.

Так Цзян Мянь волей-неволей стал частью их компании. Присев рядом, он слушал их оживленную болтовню о том, где они будут праздновать победу после изгнания демона.

Из разговоров он узнал, что их путь лежит в городок Фэнхуэй — название было необычным и красивым.

Говорили, что за последний год там один за другим гибли люди. Смерть их была ужасной — у каждого из груди вырвали сердце. Поговаривали, что в округе объявилась нечисть, питающаяся человеческой плотью.

Горожане, доведенные до отчаяния, взмолились о помощи к Ордену Небесного Пути.

До Фэнхуэй было далеко. Отправившись в путь на рассвете, ученики решили сделать привал в лесу, чтобы набраться сил.

Спустя некоторое время все поднялись, отряхивая одежду от сухой травы.

— Пора. Если не поспешим, не доберемся до места до темноты.

Цзян Мянью кивнул. Он едва успел встать, как лес наполнился звоном вынимаемых из ножен клинков. Потоки духовной энергии пригнули траву к земле, и один за другим ученики Ордена Небесного Пути начали запрыгивать на свои мечи.

Цзян Мянью восторженно округлил глаза. Значит, они полетят!

Раньше, в Фэнчжоу, он лишь сожалел, что не может призывать мечи по своей воле, не обладая врожденным мечом. Теперь же он понял: если меч достаточно близко, им можно управлять с помощью духовной силы. Пусть мощи в таком ударе будут меньше, но в качестве средства передвижения он был безупречен.

За спиной у Цзян Мянью тоже покоился клинок. Хотя ему никогда не доводилось летать, за время тренировок его духовные силы окрепли, и управлять мечом не составило труда.

Стоило ему только захотеть, как длинный меч выскользнул из ножен и замер перед ним.

Цзян Мянью затрепетал от радости. Вскочив на клинок, он медленно поднялся в воздух вслед за остальными.

Вечерний ветерок ласкал лицо. За те полгода, что он провел в этом мире, Цзян Мянью впервые так остро почувствовал, что он — в мире бессмертных мастеров.

Свист ветра в ушах кружил голову. Юноша довольно улыбнулся, пропуская облака сквозь пальцы. С высоты он видел аккуратные лоскуты полей и приткнувшиеся друг к другу домики.

Он так увлекся созерцанием, что слишком поздно заметил шум крыльев. Подняв голову, он увидел птицу, летевшую прямо ему в лицо.

Вскрикнув от неожиданности, Цзян Мянью потерял равновесие и сорвался вниз.

Ученики Ордена Небесного Пути так и ахнули, наперебой выкликая предупреждения. Но их сил едва хватало на то, чтобы удерживать в воздухе себя после долгого пути; спасти товарища им было не под силу.

Цзян Мянью стремительно падал. Тот самый ветерок, что казался таким приятным мгновение назад, теперь больно хлестал по коже.

Сдаваться он не собирался. Едва он сложил пальцы в заклинании, чтобы вернуть улетевший меч, как почувствовал резкий рывок за шиворот. Мир вокруг на мгновение превратился в безумный калейдоскоп, а когда всё замерло, он обнаружил себя стоящим совсем рядом с Цинью

Уцзю.

— Младший шишу! — выпалил Цзян Мян, растеряв всю накопленную энергию. Он вцепился в рукав Цинь Уцзю, светясь от облегчения, и в голосе его прозвучала неосознанная, почти детская привязанность: — Как же я испугался! Хорошо, что ты рядом.

Цинь Уцзю бесстрастно посмотрел на тонкие белые пальцы, судорожно сжимавшие его одежду. Цзян Мян, осознав оплошность, тут же отдернул руку и поспешно добавил:

— Я хотел сказать... благодарю, старший брат Цинь.

В душе он надеялся, что из-за свиста ветра тот не расслышал первого обращения. Если же начнет расспрашивать — что ж, придется отпираться до последнего.

Цинь Уцзю не стал развивать тему. Лишь бросил на него долгий взгляд и, взмахнув рукой, призвал упавший меч Цзян Мян.

Тот негромко поблагодарил, забирая оружие, и уже собирался перебраться на него, как услышал короткое:

— Стой смирно.

Цзян Мян замер, не успев осознать приказ, как меч под их ногами резко набрал скорость. От инерции он качнулся и, едва не упав, был вынужден снова ухватиться за рукав Цинь Уцзю.

Шишу вел меч так стремительно, что в мгновение ока они оставили остальных учеников далеко позади.

Лететь самому и лететь на чужом мече — это были совершенно разные ощущения.

Теперь, когда не нужно было тратить силы на управление клинком, Цзян Мян мог сполна насладиться полетом. Глядя в спину Цинь Уцзю, он не смог сдержать улыбки.

Странно. Живя бок о бок с этим человеком, он часто доходил до белого каления от его выходок, не зная, как на него повлиять. Но сейчас он чувствовал: пока этот человек рядом, бояться нечего.

Необъяснимое спокойствие наполнило его душу.

С этой мыслью Цзян Мян сжал пальцы на рукаве Цинь Уцзю чуть крепче.

Тот, казалось, почувствовал это движение. Слегка повернув голову, он опустил взгляд на руку юноши, но ничего не сказал, лишь молча прибавил скорости.

Закат окрасил небо в багрянец. Меч, неся на себе двоих, мчался вслед за уходящим солнцем, ныряя в шумную суету смертного мира.

<http://bllate.org/book/17489/1711060>